

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

**Крестьянское движение в России накануне эмансипации
как момент истины***Б. Н. Миронов*

Для цитирования: *Миронов Б. Н.* Крестьянское движение в России накануне эмансипации как момент истины // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 3. С. 817–842. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.301>

Крестьянские «волнения» первой половины XIX в. были редкими, малочисленными, стихийными и неорганизованными; их участники не выдвигали политических требований, не выступали против верховной власти и существовавшего социально-экономического строя. Имеющаяся статистика крестьянского движения сконструирована в советской историографии методически неверно и интерпретировалась неправильно ввиду идеологической мотивированности. В этой статистике разнообразные виды жалоб и прошений признаны равноценными между собой и в то же время равноценными другим формам «протеста» — побегам, самовольной порубке леса, захвату помещичьего скота и земли, отказу платить оброк и нести барщину, сопротивлению помещику, властям или карательной команде и даже прямому бунту; все они принимались за единицу счета, назывались «волнениями» и оценивались как проявления классовой борьбы. В настоящее время подобные интерпретации должны считаться произвольными и надуманными. Однако до сих пор статистика «волнений», сконструированная в советской историографии, широко используется в исследованиях, учебниках и фольклористике в Интернете. Методика оценки силы крестьянского движения не соответству-

Борис Николаевич Миронов — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; b.mironov@spbu.ru

Boris N. Mironov — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; b.mironov@spbu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-09-00365 «Сравнительный анализ экономических и социальных последствий реформы 19 февраля 1861 года в столичных губерниях».

This research was supported by grant No. 19-09-00365 from Russian Foundation for Basic Research “Comparative analysis of the economic and social consequences of the February 19, 1861 reform in metropolitan provinces”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

ет научным критериям. Исследователи не смогли договориться, что принимать за единицу учета социального протеста, и использовали по своему усмотрению в качестве таковой «выступление (волнение)», «селение», «уезд/губерния», «число участников», а иногда все сразу. В результате возникла «непреодолимая преграда» на пути обобщения данных, которое, несмотря на это, производилось. Большинство крестьян в принципе довольствовались наличием средств в объеме прожиточного минимума, которые давали им возможность удовлетворительно питаться и минимально обеспечивали необходимым набором материальных и нематериальных благ. Их желания и требования редко выходили за границы улучшения материальных условий повседневной жизни — побольше земли, поменьше повинностей и налогов, помягче управление. При этом уровень жизни крестьянства в первой половине XIX в. повышался, что являлось важным фактором относительного социального спокойствия в аграрной стране.

Ключевые слова: Российская империя XIX в., кризис социально-экономического строя, крестьянское движение, методика изучения крестьянских волнений, революционная ситуация.

The Peasant Movement in Russia on the Eve of Emancipation as a Moment of Truth

B. N. Mironov

For citation: Mironov B. N. The Peasant Movement in Russia on the Eve of Emancipation as a Moment of Truth. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, iss. 3, pp. 817–842. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.301> (In Russian)

In the first half of the 19th century peasant “unrest” was rare, small, spontaneous and unorganized; the participants did not put forward political demands, did not oppose the supreme power and the existing socio-economic system. The available statistics of the peasant movement were constructed in Soviet historiography methodologically incorrectly and was misinterpreted, in view of ideological motivation. In these statistics, various types of complaints and petitions were considered to be equal among themselves and at the same time equal to other forms of “protest”: escapes; unauthorized felling of forests; seizure of landlords’ livestock and land; refusal to pay the rent and to bear corvée; resistance to the landowner, the authorities or military punitive expedition; and even direct rebellion — these all forms were taken as a unit of account, called “unrest,” and were evaluated as manifestations of class struggle. Nowadays, such interpretations should be considered arbitrary, contrived, strained, sometimes ridiculous and strongly bearing the stamp of presentism. However, in fact, the statistics of “unrest” constructed in Soviet historiography is still widely used in researches, textbooks and folk history on the Internet. The method of assessing the strength of the peasant movement does not meet scholarly criteria. The researchers could not agree on what to take as a unit of social protest, and used as such, at their discretion, “rest”, “village”, “county/province”, “number of participants”, sometimes all at once. As a result, an insurmountable obstacle arose in the way of summarizing the data, which, despite this, was carried out.

Keywords: Russian Empire of the 19th century, crisis of the socio-economic system, peasant movement, methodology of studying peasant unrest, revolutionary situation.

В советской историографии изучение крестьянского движения — как назывались действия крестьян, направленные против крепостного права или его пережитков в пореформенное время, против различных форм принуждения или дискриминации и существовавшего социально-экономического строя — находилось

в эпицентре интереса исследователей вместе с историей большевизма, рабочего класса и революционного движения в целом. К 1980 г. в СССР было защищено диссертаций и опубликовано (только на русском языке) монографий, статей и сборников документов, посвященных крестьянскому движению, свыше тысячи названий 446 авторов¹. Результаты многолетних усилий сотен историков, скрупулезно искавших и учитывавших малейшие проявления недовольства крестьянами своим положением, отражены в табл. 1².

Известный марксистский аграрный историк А. М. Анфимов дает типичный пример интерпретации этих сведений применительно к дореформенному периоду: «Данные хроники крестьянских выступлений показывают неуклонное нарастание недовольства крестьян в первой половине XIX в., их стремление изменить существовавший социально-экономический порядок. В самом деле, в первом 30-летии (1796–1826 гг.) произошло 990 выступлений крестьян, во втором — уже 1799, т. е. почти вдвое больше. Активных выступлений помещичьих крестьян хроника зарегистрировала по периодам соответственно 812 и 1550. Число выступлений крестьян других категорий (государственных, удельных и т. д.) возросло со 178 до 249. Крестьянское движение было важной составной частью революционной ситуации, сложившейся в России накануне отмены крепостного права. Годы подготовки реформы дали значительный рост массового движения в деревне. В 1857 г. хроника зарегистрировала 192 выступления, в 1858 г. — 528, в 1859 г. — 938, и 1860 г. — 354.

¹ См., напр.: *Литвак Б. Г.* Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг. М., 1989. С. 3; *Байрау Д.* Аграрная структура и крестьянский протест: к условиям освобождения русских крестьян в 1861 году // Новейшие подходы к изучению истории России и СССР в современной западноевропейской историографии. Ярославль, 1997. С. 3–51; *Рахматуллин М. А.* Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1726–1857 гг. М., 1990.

² Таблицы подготовлены и подсчитаны по: **табл. 1** — *Литвак Б. Г.* Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967. С. 10 (1796–1856 гг.); Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 г.: сб. документов / ред. С. Б. Окунь, К. В. Сивков. М., 1963; Крестьянское движение в России в 1861–1869 гг.: сб. документов / ред. Л. М. Иванов. М., 1964; Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг.: сб. документов / ред. П. А. Зайончковский. М., 1968. С. 522–529; Крестьянское движение в России в 1881–1889 гг.: сб. документов / ред. А. С. Нифонтов, Б. В. Златоустовский. М., 1960; Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг.: сб. документов / ред. А. В. Шапкарин. М., 1959. С. 601–649; Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг.: сб. документов / ред. А. М. Анфимов. М., 1998. С. 12, 313; *Анфимов А. М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России, 1881–1904 гг. М., 1984. С. 219 (1881–1904 гг.); *Сенчакова Л. Т.* Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1989. С. 254–255; *Мальцева Н. А.* О количестве крестьянских выступлений в период Столыпинской аграрной реформы (3 июня 1907 г. — 1 августа 1914 г.) // ИСССР. 1965. № 1. С. 128–129; Крестьянское движение в России, июнь 1914 — июль 1914 г.: сб. документов / ред. А. В. Шапкарин. М.; Л., 1965 (статистика выступлений приведена в статье Н. А. Мальцевой); Крестьянское движение в годы Первой мировой войны, июль 1914 — февраль 1917 г.: сб. документов / ред. А. М. Анфимов. М.; Л., 1965. С. 513–514; *Миц И. И.* История Великого Октября: в 3 т. 2-е изд. М., 1977. Т. 1. С. 338–339, 724; **табл. 2** — *Федоров В. А.* Крестьянское движение в Центральной России, 1800–1860: (По материалам центр.-пром. губерний). М., 1980. С. 50; **табл. 3** — *Мионов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2018. Т. 3. С. 405; **табл. 4** — *Литвак Б. Г.* Опыт статистического изучения... С. 10; **табл. 5** — табл. 1; *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971. Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1901 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России: в 3 ч. СПб., 1903. Ч. 1. С. 52–59, 181; *Мионов Б. Н.* Российская империя... Т. 1. С. 839; Т. 3. С. 118–120; **табл. 6** — *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России... С. 69, 81, 93, 117, 153, 165.

Таблица 1. Число крестьянских «волнений» в 59 губерниях Российской империи в 1796–1917 гг.*

Годы	Всего	В среднем в год	Годы	Всего	В среднем в год
1796–1800	272	54	1871–1880	343	34
1801–1810	209	21	1881–1889	659	73
1811–1820	485	49	1890–1894	209	42
1821–1830	691	69	1895–1900	418	70
1831–1840	702	70	1897–1900	232	58
1841–1850	944	94	1901–1904	586	147
1851–1856	530	88	1905–1907	21823	7274
1857–1860	825	206	1908–1913	1067	178
1851–1860	1355	136	1914	355	355
1861	1889	1889	1915	177	177
1862–1870	1984	220	1916	294	294
1861–1870	3873	387	февраль 1917	51	306
			февраль — октябрь 1917	4256	6384

Примечание. * Без Польши, Финляндии и Средней Азии.

Возросшая активность помещичьих крестьян, вступивших в борьбу за более выгодные условия готовившегося выхода на волю и прежде всего за получение большего количества земли, несомненно, оказала влияние на изменение первоначальных планов правительства»³.

Как видим, сведения о крестьянских «волнениях» занимают важное место в аргументации в пользу кризиса крепостнической системы и возникновения революционной ситуации в 1857–1860 гг., которая якобы заставила власти провести крестьянскую реформу. Действительно, масштаб крестьянского движения до некоторой степени можно рассматривать как *субъективный* показатель удовлетворения народа существующим положением и, следовательно, как показатель социальной стабильности и отношения к политическому режиму. Б. Г. Литвак — на мой взгляд, самый компетентный советский историк в области крестьянского движения — утверждал, что статистика крестьянского движения с 1796 г. достаточно объективно отражает *колебания в самооценке крестьянами своего положения* и что «...никакие дальнейшие поиски не приведут к находкам документов о неизвестных крупных крестьянских восстаниях или даже иных массовых выступлениях крестьян»⁴.

Однако на приведенные в табл. 1 данные полагаться нельзя — они сконструированы методически неверно и неправильно интерпретированы. При составле-

³ Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба... С. 192.

⁴ Литвак Б. Г. Крестьянское движение... С. 66.

нии хроник крестьянского движения исследователи учитывали 43 формы протеста (исключая отдельные специфические формы выступлений, которые встречались в документах редко, а также выступления приписных и посессионных крестьян) и при оценке масштаба протеста механически суммировали разнородные, разноценные и разновеликие проявления крестьянского недовольства:

А. Формы мести и пассивного сопротивления

1. Все виды жалоб и прошений.
2. Избиение должностных лиц помещика.
3. Сечение старост, экономок.
4. Доказанные поджоги.
5. Убийство должностных лиц помещика.
6. Избиение помещика.
7. Покушение на убийство помещика.
8. Убийство помещика.

Б. Формы экономических санкций против помещика

9. Коллективные порубки.
10. Коллективные потравы.
11. Требование учета конторских книг.
12. Уклонение от уплаты сборов на содержание вотчинного управления.
13. Отказ от отпускных без земли.
14. Отказ переносить усадьбы.
15. Отказ от переселения в пределах вотчины.
16. Отказ от обмена земель.
17. Отказ от перераспределения земель и тягол.
18. Отказ получить отпускную за выкуп.
19. Отказ обрабатывать надел.
20. Отказ отбывать все виды повинностей.

В. Формы экономического террора против помещика

21. Сопротивление землемерным работам.
22. Требование высшего надела, сопровождаемое эксцессами.
23. Требование обмена земли, сопровождаемое эксцессами.
24. Сопротивление отрезке земли.
25. Сопротивление порубке проданного помещиком леса.
26. Сопротивление запашке земли, отданной арендатору.
27. Раздел помещичьего скота и хлеба.
28. Захват помещичьей земли.

Г. «Политические» санкции против помещика

29. Неповиновение помещику и его должностным лицам.
30. Арест помещика крестьянами.
31. Коллективный приход крестьян в уездные или губернские присутственные места с жалобой на помещика.
32. Требование смены должностных лиц.
33. Непризнание назначенных должностных лиц.

34. Самовольная смена должностных лиц.
35. *Сопrotивление помещику и властям.*

Д. Формы антиправительственных выступлений

36. *Отказ подчиняться властям.*
37. *Сопrotивление аресту крестьянских представителей.*
38. Отказ поставлять рекрутов и платить рекрутскую повинность.
39. Самовольные переселения.
40. Попытки наивной агитации (самозванчество, распространение подложных документов).
41. *Ввод карательной военной команды (подразделения. — Б. М.).*
42. *Сопrotивление карательной команде.*
43. *Восстание.*

В результате оказывалось, что все виды жалоб (на наказание, убийство, недостаток земли, высокие повинности и т.д.) и прошений были равноценны между собой и в то же время равноценны побегам, требованию учета конторских книг, самовольной порубке леса и потраве, захвату помещичьего скота и земли, отказу платить оброк и нести барщину, сопротивлению помещику и властям, противодействию вводу и сопротивлению карательной команде и даже прямому бунту — все они принимались за единицу счета и назывались «волнениями».

Слово «волнение» в русском языке, помимо прямого значения («движение волн на водной поверхности»), имело и имеет два переносных: первое — «нервное возбуждение, вызванное ожиданием чего-либо нового, предчувствием чего-либо неизвестного» с оттенком значения ‘сильное беспокойство, тревога’, и второе, употребляемое только во множественном числе, — «массовое выражение недовольства, протеста»⁵. Следовательно, использование этого слова в качестве термина для обозначения столь различных по существу социальных явлений, как жалоба, прошение, отказ, бунт и восстание, с лингвистической точки зрения вполне оправданно, и, возможно, поэтому данный термин «прижился» в историографии. Однако в литературе о крестьянском и вообще революционном движении термин «волнение» стал использоваться, как правило, только во множественном числе и означать, по сути, *беспорядки, народное возмущение, массовое выражение недовольства и протеста*. И если исследователи крестьянского движения представляли, из чего и как получены данные о «волнениях», то историки, занимавшиеся другими сюжетами, часто этого не знали и употребляли термин исключительно как обозначение беспорядков, народного возмущения, массового выражения недовольства и протеста. Не имело значения не только содержание недовольства, но и число крестьян, участвовавших в том или ином действии — три, тысяча или несколько тысяч. Между тем даже в законодательстве того времени одни из перечисленных деяний считались

⁵ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 18.05.2019). — См. также: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М., 1955. С. 199; *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1989. С. 77; Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. М., 1985. С. 205.

преступлениями, другие — деликтами, третьи — проступками, не влекущими никаких последствий: при назначении наказания имело значение число участников.

Подобный подход трудно считать правильным. Нельзя согласиться с оценкой жалоб и прошений (коллективных или индивидуальных) как формы социального протеста. Потому что жалоба или просьба не только на имя помещика, а даже на имя императора не являлась нарушением порядка и дисциплины, а рассматривалась законным правом крестьян. Причем *на долю жалоб и прошений в 1796–1856 гг. в среднем приходилось 28 % всех «волнений»*, в отдельные годы она превышала треть (1826, 1829, 1831, 1843, 1849 гг.) и приближалась к половине (1832, 1833, 1835, 1837, 1838 гг.)⁶, в 1855–1861 гг. равнялась 15 %⁷.

Неправильно считать социальным протестом нападение или убийство помещика и его управляющего, поджог усадьбы, раздел помещичьего скота и хлеба без анализа мотивации поступка — ведь мотивами могли служить человеческая месть, зависть, болезнь, любовь или ненависть, элементарная уголовщина, хулиганство, воровство, грабеж и разбой. Ввиду этого так называемые *формы мести и пассивного сопротивления* не являются классовой борьбой (группа А среди 43 форм протеста).

Весьма сомнительно относить к «волнениям» так называемые *экономические санкции против помещика и экономический террор против помещика* (группы Б и В среди 43 форм протеста): требование учета конторских книг, уклонение от уплаты сборов на содержание вотчинного управления, отказ от отпускных без земли, отказ переносить усадьбы, отказ от переселения в пределах вотчины, отказ от обмена земель, отказ от перераспределения земель и тягол, отказ получить отпускную за выкуп и др., поскольку в данном случае речь идет об экономическом споре за экономические выгоды. Даже отказ отбывать повинности чаще всего являлся хозяйственным спором двух субъектов — помещика и общины. Само слово «террор», означающее «острую форму борьбы *против политических и классовых противников* с применением насилия вплоть до физического уничтожения»⁸, вряд ли уместно в контексте взаимоотношений между крестьянами и помещиками.

Вряд ли правильно считать «волнениями» коллективный приход крестьян в уездные или губернские присутственные места с жалобой на помещика, требованием смены должностных лиц, непризнание назначенных должностных лиц и самовольную смену должностных лиц, потому что крестьяне, как правило, де-факто и по обычному праву имели право общинного самоуправления, которое признавалось многими помещиков. В силу этого большинство форм протеста, входящих в блок так называемых политических санкций против помещика, нельзя относить к классовой борьбе.

Самовольные переселения, вызванные неправильной интерпретацией правительственных указов, или попытки наивной агитации (самозванчество, распространение подложных документов) не являются формами антиправительственных выступлений, так как по форме и по сути они не были направлены про-

⁶ Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения... С. 10.

⁷ Там же. С. 65–69, 117–124.

⁸ Большой толковый словарь русского языка. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&ro=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x&az=x&pe=x&word=%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%80%D0%BE%D1%80> (дата обращения: 18.05.2019).

тив существовавшего политического режима. Напротив, по мнению крестьян, они имели целью восстановить царскую волю. К социальному протесту неверно относить и сопротивление таким мероприятиям помещиков и государства, как, например, землемерные работы, разведение картофеля, введение карантина во время эпидемий, которые полезны и необходимы для крестьянства. Некоторые проявления «социального протеста» не считались крестьянами даже нарушениями порядка. Поступок, не направленный, по внутреннему убеждению крестьян, против помещика или властей, также неверно считать социальным протестом и «волнением». В уголовном праве поступок считается преступлением в том случае, если совершивший его это сознает.

Изучение мотивов социальных действий имеет принципиальное значение. Во-первых, крестьяне далеко не всегда были справедливы в своих претензиях и требованиях, о чем говорит следующий факт: в 1840-е гг. около 84 %, а в 1857–1860 гг. (годы оживления выступлений) до 70 % выступлений заканчивались «мирным увещанием» властей и возвращением крестьян к привычной жизни⁹. Между тем сама возможность заблуждения и неправоты крестьян даже не рассматривается исследователями. Советские историки считали крестьян (как и рабочих) всегда правыми, хотя это далеко не так. Об этом красноречиво свидетельствуют данные о штрафах рабочих. Так, за 1901–1910 гг. на предприятиях, подчиненных надзору фабричных инспекторов, рабочие за различные проступки штрафовались 25,8 млн раз, а пожаловались в фабричную инспекцию на неправильность штрафования лишь 22 101 раз, т. е. оспорили 0,086 % случаев штрафования. Причем в 75 % случаев в результате объективного разбирательства инспекторы признавали жалобы неосновательными. Следовательно, и рабочие, и фабричные инспекторы, стоявшие на страже их интересов, считали наказания справедливыми¹⁰. Советские историки рабочего класса смотрели на штрафы как на форму эксплуатации рабочих капиталистами и полагали их всегда несправедливыми.

Во-вторых, в официальном и в обычном праве понимание преступления было различным: в первом — как нарушение общественного порядка и закона, во втором — как христианский грех, и, соответственно, номенклатура преступлений была иной¹¹. Например, соби́рание милостыни, несоблюдение правил строительного устава, оскорбление чести сельской крестьянской полиции, появление пьяным в публичном месте, нарушение тишины и порядка в суде, кровосмешительство (если супруги не находятся в прямых отношениях родства) и т. д. не считались крестьянами грехом и, следовательно, преступлением, хотя они знали, что закон придерживается другого мнения. С другой стороны, не все греховные — и, значит, преступные, по мнению крестьян, — деяния признавались законом как преступления, например: работа в праздники, отказ от подачи милостыни, неучастие в общественной помощи (помочи), нарушение поста. По обычному праву пьянство, мотовство, расстраивающее хозяйство, нарушение условий договора, в частности сельскохозяйственного найма, карались наравне с кражей, в то время как, соглас-

⁹ Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 г. С. 15–16; *Литвак Б. Г.* Крестьянское движение... С. 188.

¹⁰ *Миронов Б. Н.* «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 243–286.

¹¹ *Миронов Б. Н.* Российская империя... Т. 3. С. 92–95.

но общему законодательству, подобные деяния влекли только гражданскую ответственность. Вследствие этого тот или иной поступок для крестьян и помещиков имел различное значение.

Порубка казенного или помещичьего леса с точки зрения русских крестьян не являлась ни грехом, ни преступлением. Продукты земли, воды и леса, к которым не был приложен труд человека, крестьянин вообще считал принадлежавшими Богу и, значит, всем. Поэтому лесные порубки, похищение лесных и полевых плодов, сена, фруктов в небольшом количестве, только для себя, не воспринимались как преступление. Совершая подобные деяния, крестьянин не считал, что наносил вред или ущерб помещику; в них не было даже намека на социальный протест, поэтому относить их к «волнениям» можно лишь по недоразумению. Между тем число порубок в некоторые годы, например в 1860–1865 гг., было значительным, поскольку за порубки к ответственности было привлечено от 17,6 тыс. крестьян в 1860 г. и до 31,8 тыс. — в 1865 г.¹²

В результате из перечня 43 форм крестьянских выступлений к собственно классовой борьбе с достаточным основанием можно отнести лишь шесть (в списке они выделены светлым курсивом): арест помещика крестьянами, отказ подчиняться властям и сопротивление помещику и властям (два последних вида борьбы дублируют друг друга), сопротивление аресту крестьянских представителей, сопротивление карательной команде и бунт (восстание). Чтобы остальные действия крестьян идентифицировать как «волнения», или проявления классовой борьбы, необходимо тщательное изучение инцидента, и в первую очередь мотивации его участников.

В. А. Федоров классифицировал 793 крестьянских «волнения» в помещичьих имениях семи центрально-нечерноземных губерний за 1800–1860 гг. в зависимости от мотива выступления. Оказалось: не более 56 % выступлений (они выделены курсивом) можно считать антикрепостническими (табл. 2).

Несмотря на это автор все их отнес к проявлениям классовой борьбы. На самом деле в структуре крестьянских выступлений в России за 1826–1849 гг. в целом на долю антикрепостнических протестов можно отнести тоже не более 56 % выступлений, остальные 44 % (убийства помещиков и управляющих, побег, поджоги, прошения, порубки) признавать таковыми нет достаточных оснований, по крайней мере без дополнительного анализа¹³.

Таким образом, не выдерживает критики *сам критерий* отнесения социального действия к социальному протесту, и тем более к классовой борьбе, а именно: любое действие со стороны крестьян, как-то затрагивающее интересы помещика и государства (власть предрежащих), включая даже имеющее цель лишь подвинуть последних на проявление участия, сострадания и оказание помощи крестьянам (такowymi было большинство прошений и жалоб). Непомерно расширительное толкование классовой борьбы было обусловлено тем, что действительно значимых антикрепостнических выступлений крестьян было крайне мало, а найти усиливавшуюся классовую борьбу в деревне и доказать наличие революционной ситуации в 1857–1861 гг., которая якобы обусловила Великие реформы, очень хотелось и тре-

¹² Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения... С. 48, 80.

¹³ Крестьянское движение в России в 1826–1849 гг.: сб. документов / под ред. А. В. Предтеченского. М., 1961. С. 817.

Таблица 2. Распределение крестьянских «волнений» во Владимирской, Калужской, Костромской, Московской, Нижегородской, Тверской и Ярославской губерниях в 1800–1860 гг. по мотивам

Мотивы крестьянских «волнений»	Число «волнений»	%
<i>Тяжелая барщина</i>	125	16
<i>Высокий оброк</i>	163	21
<i>Смешанная повинность</i>	51	6
Смена владельца имения	156	20
<i>Жестокие наказания</i>	37	5
<i>Отобрание земли</i>	38	5
Перенаселение	27	3
Недостаток продовольствия	15	2
Стеснение в промыслах	13	2
<i>Разорение</i>	14	2
Сдача работы по контракту	5	1
<i>Самоуправство властей</i>	8	1
Борьба за общинное самоуправление	24	3
Слухи о воле	117	15
Итого	793	100

бывалось. Даже в наиболее затронутых «волнениями» центрально-нечерноземных губерниях в 1800–1860 гг., по весьма ориентировочным оценкам (подробнее о них речь ниже), в среднем в течение года в открытых выступлениях принимали участие лишь 0,3 % помещичьих крестьян¹⁴, а значит, в других регионах и среди других категорий крестьян масштаб протеста был еще ниже. Например, в 20 великорусских губерниях в 1826–1857 гг. в открытых выступлениях участвовало только 0,2 % крестьян в год¹⁵.

И здесь возникла ситуация по китайской поговорке: «Если очень ждешь кого-то, то принимаешь за топот его коня стук собственного сердца». Известный исследователь крестьянского движения М. А. Рахматуллин именно недостатком открытых антикрепостнических выступлений объясняет включение в крестьянское движение всех повседневных конфликтов между крестьянами и помещиками. По его мнению, ограничение исследования рассмотрением только крупных и ярких социальных протестов ведет к упрощенному отображению и преуменьшению масштабов антикрепостнической борьбы крестьян¹⁶. Обосновывается это ссылками на

¹⁴ Федоров В. А. Крестьянское движение... С. 43.

¹⁵ Рахматуллин М. А. Крестьянское движение... С. 46.

¹⁶ Там же. С. 60.

классиков марксизма: «Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»¹⁷. О том же пишет и Б. Г. Литвак: «...понимание жалобы как формы крестьянского движения — очень важное приобретение советских историков»¹⁸.

Опираясь на марксистские авторитеты, к социальным протестам стали относить все, что только возможно, — пропуск исповеди и даже уголовные преступления, совершенные крестьянами. «Не требует особых доказательств, что сам факт уклонения от исповеди уже был актом гражданского мужества», — утверждал Б. Г. Литвак¹⁹. Он смотрел на пропустивших исповедь как на борцов за свободу и, как ему казалось, обнаружил тенденцию, доказывающую, что их число постоянно росло. Смотреть на пропуск исповеди крестьянами в XIX в. как на проявление социального протеста — неверно по сути, так как крестьянин в понятие «мы» включал Бога, о чем Литваку было хорошо известно²⁰. К тому же в действительности ситуация с пропуском исповеди оказалась сложнее (табл. 3).

Таблица 3. Пропуск исповеди и причастия во время Великого поста лицами православного исповедания Европейской России по неуважительным причинам в 1802–1913 гг. (%)

Сословие	1802 г.	1825 г.	1845 г.	1855 г.	1860 г.	1869 г.	1900 г.*	1913 г.**
Дворянство	2	4	3	4	3	4,4	4,0	4,7
Духовенство	0	1	0	0	0	0,2	0,2	0,3
Городское	5	7	8	6	5	6,3	5,8	5,8
Крестьянство	3	7	8	9	9	11,0	7,3	6,3
Военные	5	5	5	6	7	8,1	7,4	3,8
Всего	3	7	8	9	8	9,9	7,2	6,0

Примечания. * 1900–1903 гг.; ** 1913–1914 гг., данные по 12 епархиям.

На протяжении XIX — начала XX в. доля лиц, пропускавших исповедь и причастие по неуважительным причинам, была мала — от 3% в 1802 г. до 7% в 1913 г. Цифры как будто говорят о том, что горожане были прилежнее крестьян — процент лиц, пропустивших исповедь по нерадению, среди крестьян поднимался до 11, а среди горожан — лишь до 8%. Дело, однако, состояло не в нерадении, а в отдаленности храмов. В каждом городе были церкви, в то время как в большинстве сельских поселений их не было, а ближайшая находилась нередко в десятках километрах от дома. В губерниях, например северных, где были распространены мелкие

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч.: в 39 т. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 424.

¹⁸ Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения... С. 120.

¹⁹ Литвак Б. Г. Крестьянское движение... С. 201.

²⁰ Там же. С. 187.

поселения, даже ревностному христианину не удавалось посетить церковь, особенно в апреле, когда дороги были непролазны. Именно погода и состояние дорог являлись существенным фактором колебаний процента посещаемости церкви для крестьян, поэтому процент посещаемости исповеди каждый год изменялся без всякой заметной тенденции. В городе подобные препятствия к посещению церкви отсутствовали, отсюда доля исповедовавшихся горожан была более или менее стабильной без какой-либо тенденции. У крестьян процент «нерадивых» то увеличивался, то уменьшался, что говорит об отсутствии тренда и о влиянии каких-то привходящих обстоятельств — погода, война и т. д.

Б. Г. Литвак выступил инициатором признания уголовных преступлений крестьян проявлением антикрепостнического протеста на том основании, что якобы «... чисто уголовные преступления среди крестьян были далеко не преобладающими. Основная масса крестьян-подсудимых отбывала наказание за участие в отдельных формах крестьянской борьбы»²¹. К преступлениям, которые «не могут быть признаны чисто уголовными», он отнес: «(1) государственные преступления; сопротивление распоряжениям правительства и неповиновение властям, оскорбление присутственных мест и чиновников, взлом тюрем, увод и побег находящихся под стражей, создание тайных обществ и собиране запрещенных сходбищ; (2) нарушение постановлений по питейному сбору и акцизу и нарушение уставов о казенных лесах (главным образом порубки. — Б. М.); (3) составление злонамеренных шаек и притонодержательство; распространение вредных слухов, подговор к побегу и недозволенному переселению, бродяжничество, укрывательство беглых и нарушение постановлений о паспортах; возбуждение к ссорам и буйству, нарушение правил благочиния в публичных местах и собраниях; (4) зажигательство». По сведениям «Отчетов Министерства юстиции» за 1860 г. Литвак насчитал 84 715 крестьян, совершивших преступления, которые могут быть отнесены к антикрепостническим деяниям. Среди них 7 % относятся к 1-й группе преступлений, 75 — к 2-й и 18 % — к 3-й группе. Данные о «зажигательстве» не приведены²². Таким образом, около 93 % борцов против крепостнического гнета выражали свой протест в оригинальных формах — самогоноварении, несанкционированных порубках леса, разбоях на больших и малых дорогах, непристойном поведении (пьянство, драки, ругань и т. п.) в общественных местах. 84 715 подсудимых крестьян в год — это 0,37 % от общего числа крестьян Европейской России²³ — сразу увеличат среднегодовое число протестующих против крепостничества в 2,7 раза²⁴.

На самом деле основания конвертации элементарных просьб, жалоб и чисто хозяйственных споров крестьян с помещиками и казной, а также уголовных преступлений в классовый конфликт не могут удовлетворить даже принципиальных марксистов, придерживающихся парадигмы, что крестьяне и помещики — всегда классовые враги, а государство — аппарат для поддержания порядков, угодных

²¹ Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения... С. 50.

²² Там же. У Б. Г. Литвака нашлись последователи, см.: Рахматуллин М. А. Крестьянское движение... С. 182–186.

²³ Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России... С. 175.

²⁴ Подробное обоснование взгляда на преступления как на социальный протест см.: Литвак Б. Г. Забытый источник по истории крестьянского движения в России второй половины XIX — начала XX в. (Свод статистических сведений о делах уголовных. 1872–1914 гг.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1970. Рига, 1977. С. 258–264.

и выгодных помещикам, и что все нарушения порядка и дисциплины со стороны крестьян следуют считать проявлением классовой борьбы. Сверхупрощением является видение подоплеку любой проблемы, любых противоречий между крестьянами и помещиками или государством в подспудном классовом конфликте между ними. Многие конфликты носили чисто хозяйственный характер, отражали групповые интересы крестьян и помещиков не как антагонистических классов, а как хозяйственных субъектов. Жалобы, прошения и многие другие действия крестьян, считающиеся формами классовой борьбы, не подрывали существовавший общественный порядок, не вели к революции. Ни крестьяне, ни помещики не считали себя непримиримыми врагами. Сознывая (помещики) или ощущая (крестьяне) расхождение своих групповых интересов, они стремились их гармонизировать. Характерно, что на государство те и другие смотрели как на арбитра, которое эту роль действительно выполняло. Важно отметить: не только у помещиков, но и у крестьян «мы», кроме них самих, включало Бога и царя²⁵.

Искать классовой рациональности в поведении крестьян, живших эмоциями, инстинктами и интуицией, среди которых лишь 11 % в 1857 г. владели элементарной грамотностью²⁶, — просто несерьезно. Но в свое время эти конвертации казались резонными и убедительными, причем историкам весьма компетентным, какими, несомненно, являлись И. Д. Ковальченко, В. И. Крутиков, Б. Г. Литвак, М. А. Рахматуллин, П. Г. Рындзюнский, В. А. Федоров и др. Им приходилось, к сожалению, отдавать свой талант доказательству тяжелого положения крестьянства, существования классовой борьбы, наличия революционной ситуации в 1857–1861 гг., поиску других химерических явлений, которые вытекали из марксистского мировоззрения. И не по принуждению, а по доброй воле, просто в соответствии с той идеологической атмосферой, в которой они существовали. Чтобы нормально жить, а тем более преуспевать, нужно было думать в гармонии с духом времени — помарксистски. Точно так же хорошо образованные и компетентные средневековые схоласты в полном согласии с идеологией, господствовавшей в то время, совершенно серьезно и ответственно вели философско-религиозные баталии по вопросу, сколько ангелов (или чертей, или ведьм) поместится на конце иглы.

Ученому, твердо убежденному в правоте какой-нибудь теории и концепции, проникать в суть вещей всегда мешает когнитивный диссонанс. Под его влиянием факты игнорируются, если они противоречат принятым установкам; он старается не замечать информацию, не согласующуюся с нормативной точкой зрения, отдавая предпочтение той, которая ей соответствует, и таким образом сохраняет внутреннюю гармонию и психологический комфорт²⁷. Особенно легко стать жертвой когнитивного диссонанса в условиях, когда человек находится под идеологическим прессом, когда отклонение от нормативной точки зрения угрожает его статусу и благосостоянию.

²⁵ Литвак Б. Г. Крестьянское движение... С. 187.

²⁶ Миронов Б. Н. Познавательные способности русских крестьян доиндустриальной эпохи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63, вып. 4. С. 1047–1081.

²⁷ Майерс Д. Социальная психология. 7-е изд. СПб., 2006. С. 193–214. — См. примеры когнитивного диссонанса: Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. 2-е изд. М., 2012. С. 691–694.

Даже такой тонкий и проницательный исследователь, умеренный в своих марксистских взглядах, в некоторых случаях ревизионист, как Б. Г. Литвак, оказался у когнитивного диссонанса в плену. *С одной стороны*, он понимал особенности крестьянского сознания первой половины XIX в., которые фатально препятствовали крестьянам, говоря марксистским слогом, быть классом для себя и вести классовую борьбу. «Мировоззренческая норма не вырабатывалась и не могла выработаться крестьянским сознанием потому, что трудовая деятельность крестьянства и его повседневная жизнь не требовали специального осмысления общественных явлений»²⁸. «Каждое крестьянское выступление отражало коллективное настроение, и именно потому, что настроение в основе своей является эмоциональным состоянием, оно легко поддавалось воздействию сознания, в том числе и сознания, враждебного крестьянским интересам»²⁹. «Зачинщик (крестьянского выступления. — Б. М.) вовсе не организатор, а тот, чей авторитет действует организующе»³⁰. «Ошибочно полагать, что крестьяне ясно представляли свой положительный идеал». Последний был «весьма неоформленным, очень смутным, чаще всего получал реальное выражение в индивидуальном или коллективном стремлении перейти в другую сословную группу крестьянства» (тоже закрепощенную! — Б. М.). Понимание крестьянами свободы «не выходит за рамки феодального строя»³¹. *С другой стороны*, Литвак втискивал жалобы, прошения, хозяйственные споры, пропуск исповеди и уголовные преступления в прокрустово ложе антикрепостнических протестов, чтобы классовая борьба крестьян достигла уровня, достаточного для возникновения революционной ситуации.

Другие известные историки крестьянского движения были куда более марксистскими в оценке крестьянского движения. Например, П. Г. Рындзюнский критиковал Б. Г. Литвака: 1) за умаление классового единства крестьянства (поскольку, по мнению последнего, в дореформенное время единого крестьянства не было даже в сословном смысле); 2) за приуменьшение антикрепостнических устремлений непомещичьих крестьян, включая самые привилегированные группы — казенных и удельных, которых объединяла «единонаправленность классовой борьбы»; 3) за недооценку классового характера всех видов крестьянских выступлений; 4) за отрицание высокой идейности крестьянства (по мнению критика, крестьяне осознавали непримиримую противоположность своих интересов всему феодальному строю, включая самодержавие; их мечты о свободе выходили далеко за пределы реформы существовавших феодальных отношений)³². По счастью, эти замечания были высказаны в 1986 г., во время перестройки, когда стала

²⁸ Литвак Б. Г. Крестьянское движение... С. 208.

²⁹ Там же. С. 188.

³⁰ Там же. С. 189.

³¹ Там же. С. 184. — См. также специальные исследования автором психологии крестьянства:

Литвак Б. Г. О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. // История и психология / под ред. Б. Ф. Поршнева. М., 1971. С. 199–214; Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 8–44.

³² Рындзюнский П. Г. О некоторых спорных вопросах истории крестьянского движения в России // Вопросы истории. 1987. № 8. С. 79–87. — Рындзюнский критиковал статью: Литвак Б. Г. О периодизации крестьянского движения в России // Вопросы истории. 1986. № 3. С. 64–76. — К чести Литвака он не отказался от своих представлений и подтвердил их в своей монографии «Крестьянское движение» (1990).

допускаться свобода мысли. Десятью годами раньше за такие «проколы» Б. Г. Литвак мог лишиться работы.

Ссылаясь на классиков, утверждавших, что «...существование революционных мыслей в определенную эпоху уже предполагает существование революционного класса»³³, П. Г. Рындзюнский и большинство советских историков утверждали, что российское крестьянство первой половины XIX в. сформировалось как класс, представляло главную революционную силу эпохи, благодаря чему создало революционную ситуацию, приведшую к падению крепостного права. По мнению В. А. Федорова, к началу первой революционной ситуации 1857–1861 гг. крестьянство ясно сформулировало свою антикрепостническую программу революционно-демократического масштаба³⁴. Все эти утверждения находятся в противоречии с фактами даже для объективного марксиста.

Львиная доля крестьянских «волнений» в XVIII — первой половине XIX в. произошла в помещичьих имениях на почве слухов, по причине неадекватного понимания существующих законов, правительственных указов и распоряжений, в силу легковерия, наивности и непонимания основ существовавшего общественного строя. Беспорядки происходили почти всякий раз при смене владельца имения, после передачи казенных крестьян помещикам, при подаче крестьянами прошений на высочайшее имя, после издания законов, трактуемых крестьянами в свою пользу. В отчетах местных коронных властей о «волнениях» постоянно отмечалось, что крестьяне «впали в преступления по неразумению», «по невежеству своему», «по незнанию законов», «по неосмысленности», были «ослеплены упрямством и ложными слухами»³⁵, «по непониманию истинного смысла» царских манифестов и законов³⁶. Как ни наивно это звучит, но именно так оно и было. Вот данные за 1796–1855 гг. о числе крестьянских «волнений» (84 % из них произошли в помещичьих имениях). Всякий значительный рост «волнений» объяснялся неадекватным пониманием земледельцами царских и правительственных распоряжений и намерений (табл. 4).

Многочисленный рост крестьянских «волнений» в 1797 г. по сравнению с предыдущими и последующими годами (57 — в 1796 г., 177 — в 1797 г. и 7–16 — в 1798–1801 гг.³⁷) объяснялся тем, что Павел I восстановил принесение присяги на верность императору для помещичьих крестьян³⁸, отмененное в 1741 г. Елизаветой

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 46–47.

³⁴ Федоров В. А.: 1) Требования крестьянского движения в начале революционной ситуации (до 19 февраля 1861 г.) // Революционная ситуация в России в 1857–1861 гг. Сб. 3 / М. В. Нечкина (ред). М., 1963. С. 137–139; 2) Русский крестьянин накануне революционной ситуации 1859–1861 гг.: По материалам центрально-промышленных губерний России // Революционная ситуация в России в 1857–1861 гг. Сб. 6 / М. В. Нечкина (ред). М., 1974. С. 38–39; 3) Крестьянское движение в Центральной России... С. 151–153.

³⁵ Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг. / С. Н. Валк (ред.). М., 1961. С. 49, 82–83, 139, 284, 286, 667.

³⁶ Крестьянское движение в России в 1890–1900 гг. С. 299.

³⁷ Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг. С. 18.

³⁸ ПСЗ-И. Т. 24. № 17530 от 06.11.1796. — В Манифесте о вступлении на престол говорится о том, что присягают все верноподданные, как и в аналогичных манифестах Елизаветы Петровны и Екатерины II. Однако в сенатских указах, разъясняющих, как и кому давать присягу, есть оговорка — «кроме пашенных крестьян»: ПСЗ-И. Т. 11 (1740–1743 гг.). С. 538 (Сенатский указ № 8474).

Таблица 4. Число крестьянских «волнений» в России в 1796–1856 гг.

Год	«Волнения»								
1796	57	1808	29	1820	48	1832	51	1844	72
1797	177	1809	30	1821	36	1833	70	1845	116
1798	12	1810	17	1822	69	1834	67	1846	64
1799	10	1811	30	1823	88	1835	48	1847	88
1800	16	1812	65	1824	70	1836	92	1848	202
1801	7	1813	29	1825	61	1837	78	1849	63
1802	24	1814	20	1826	178	1838	90	1850	109
1803	26	1815	38	1827	53	1839	78	1851	88
1804	20	1816	30	1828	25	1840	55	1852	107
1805	29	1817	56	1829	35	1841	59	1853	98
1806	15	1818	82	1830	76	1842	90	1854	90
1807	12	1819	87	1831	73	1843	81	1855	70

Петровной. Этот указ и сам факт приведения их к присяге крестьяне истолковали так, будто «делается ныне присяга государю для того, чтобы впредь не быть им за помещиком», другими словами — как перевод их в разряд государственных³⁹. Подобному толкованию способствовали также указ от 12 декабря 1796 г., разрешивший подачу индивидуальных жалоб, и Манифест 5 апреля 1797 г. о трехдневной барщине⁴⁰.

Всплеск «волнений» в 1812 г. был вызван тем, что помещичьи крестьяне за свое участие в войне против наполеоновской армии в составе 400-тысячного ополчения⁴¹, в которое они записались по призыву Манифеста от 18 июля 1812 г., ожидали воли за службу царю и Отечеству — именно так они поняли манифест⁴².

Причиной значительного роста числа выступлений в 1817–1819 гг. стали рескрипт царя об организации Особого комитета для упорядочения землевладения на Дону, в котором говорилось о злоупотреблениях крепостным правом, и указы об освобождении прибалтийских крестьян в 1817–1819 гг.⁴³ Подъем крестьянского движения в 1826 г. связан с событиями на Сенатской площади в 1825 г., правительственную информацию о которых народ осмыслил по-своему. Как сообщил секретный агент III Отделения: «В простом народе слышны вредные выражения:

25 ноября 1741 г.); Т. 16 (1762–1765 гг.). С. 8 (Сенатский указ № 11591. 3 июля 1762 г.). Помещичьи крестьяне были приведены к присяге в 1796 г.

³⁹ Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг. С. 88, 115, 122–123, 139, 142–143, 153–154.

⁴⁰ Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения... С. 7–11.

⁴¹ Троицкий Н. А. Россия в XIX веке. М., 1997. С. 47.

⁴² Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг. С. 18–19, 286–289, 308. — См. также: Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения... С. 11.

⁴³ Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения... С. 11.

«Начали бар вешать и ссылать на каторгу, жаль, что всех не перевесили, да хотя бы одного кнутом отодрали»». Текст присяги Константину — «законному по праву первородства» наследнику престола — был в народе понят таким образом, что царем должен быть Константин, но его насильственно отстранили от трона ввиду его намерения освободить крепостных, что вызвало недовольство дворян⁴⁴.

Увеличение в 1842 г. числа «волнений» объяснялось указом от 2 апреля 1842 г. об обязанных крестьянах, истолкованным так, будто помещичьих крестьян скоро заберут у помещиков и передадут в казну. Крестьяне многих губерний, в том числе Костромской, Саратовской, Владимирской и Тульской, уверовав в скорое освобождение, отказывались платить оброк и выполнять барщину⁴⁵.

Новый всплеск «волнений» в 1848 г. вызвало превратное толкование указа от 8 ноября 1847 г. (позволявшего крестьянам, продаваемым с публичных торгов, выкупаться на волю) как разрешение выходить из-под власти помещиков по своей воле в любой момент.

Рост числа «волнений» в 1845 и 1852 гг. объяснялся указами, разрешавшими государственным крестьянам переселяться на Юг, которые были истолкованы помещичьими крестьянами как разрешение без согласия их владельцев переселяться на Юг, и они десятками тысяч нелегально бежали на Кавказ и в Крым⁴⁶.

Двукратное увеличение числа «волнений» в 1850 г. вызвала очередная, 9-я ревизия населения 1850 г., которую крестьяне интерпретировали так: если ревизия застанет их по месту их жительства, то они останутся в вечном владении помещиков, если же в другом месте, то они станут свободными⁴⁷. Крестьяне вообще к любым обследованиям относились отрицательно, видя в них скрытую угрозу их благополучию. Например, 22 марта 1818 г. казенные крестьяне Изюмского уезда Слободско-Украинской губернии подняли бунт «по случаю собиравшихся статистических сведений в том предубеждении, что собрание тех сведений служит знаком обращения их в военное поселение», для подавления которого власти использовали воинскую команду⁴⁸. В 1870 г. в Харьковской губернии крестьяне сопротивлялись проведению подворных описаний, предназначенных для прогрессивной налоговой реформы — замены подушной подати поземельным налогом⁴⁹.

Крестьяне нередко выступали против принимаемых властями мероприятий, направленных на модернизацию традиционных сельскохозяйственных институтов, усматривая в этих мерах лишь угрозу своим интересам и нарушение привычного образа жизни.

Отметим: не только крестьяне, но и духовенство, которому правительство доверило чтение и объяснение своих указов, иногда понимало и объясняло их кре-

⁴⁴ Рахматуллин М. А. Крестьянское движение... С. 124–126. — См. также: Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения... С. 11–12. — Об отрицательном отношении к декабристам по причине негативного отношения крестьянства к бунту, поднятому ими против императора, свидетельствовали сами крестьяне: Васильев И. В. Мои воспоминания // Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века / вступ. ст., сост. В. А. Кошелева. М., 2006. С. 436.

⁴⁵ Рахматуллин М. А. Крестьянское движение... С. 136.

⁴⁶ Там же. С. 134–148; Крестьянское движение в России в 1850–1856 гг.: сб. документов / под ред. С. Б. Окуня. М., 1962. С. 574, 593.

⁴⁷ Рахматуллин М. А. Крестьянское движение... С. 146.

⁴⁸ Крестьянское движение в России в 1796–1825 гг. С. 643–644.

⁴⁹ Крестьянское движение в России в 1870–1880 гг. С. 491.

ствиям превратно. Немало таких случаев произошло в 1855 г. во время чтения указа и манифеста Синода о государственном ополчении. Некоторые священники с амвона объясняли его таким образом, будто поступающие охотой в военную службу крепостные люди через два года получают отставку, пенсион и свободу. Это породило массовые побег помещичьих крестьян, которые тысячами приходили в города и просили записать их в ополчение⁵⁰.

Л. А. Перовский (1792–1856), министр внутренних дел в царствование Николая I, писал в 1850 г. в отчете за 25 лет деятельности: «Нельзя не признать в народе некоторого расположения принимать с изумительным легковерием всякого рода толки, иногда самые дикие и нелепые, и это есть первейшая и главнейшая причина возникающих в нем по временам “волнений” и беспорядков, которым потом обстоятельства дают более или менее обширные размеры, с более или менее преступными последствиями»⁵¹. О том же говорил военный министр А. И. Чернышев в 1856 г.: «Происшествия истинные, искажаясь молвой, легко становятся источником самых неосновательных и нелепых толков»⁵².

Советские историки крестьянского движения полагали, что «... в основе слухов и толков всегда лежит социальный конфликт между крестьянством и дворянами, в них антипомещичья направленность проступает предельно четко»⁵³. Предрасположенность крестьян верить слухам объяснялась тем, что положение их было невыносимо тяжелым, что помещики и государство их чрезвычайно сильно эксплуатировали, вследствие чего подневольные днем и ночью мечтали освободиться от крепостной зависимости. С иллюзиями и надеждами жить было легче⁵⁴.

На мой взгляд, во всех приведенных выше примерах нарушение адекватной трансляции намерений и приказов сверху вниз объяснялось главным образом неграмотностью крестьян, слабым развитием интеллектуальных способностей, когнитивным диссонансом и плохой работой по объяснению правительственных мероприятий со стороны помещика, церкви и коронной администрации. Нередко разъяснительная работа вообще не проводилась — священники толковали народу далеко не все распоряжения правительства, а лишь наиболее важные и не всегда адекватно.

Если отрешиться от идеи, что крестьянин был всегда прав, то следует учесть, что слухи давали ему повод и основание не выполнять многие неприятные обязанности — не работать на барщине, не платить оброки и налоги, не идти на службу в армию и т. п. Поведение крестьян под влиянием слухов напоминало поведение детей, которые, когда не хочется идти в школу, ищут и находят повод, чтобы остаться дома. Напомню, что на слухах мошенники зарабатывали хорошие деньги — производство слухов для некоторых стало источником дохода и создавало мотивацию. В 1846–1847 гг. власти выявили 20 лиц, распространявших ложные слухи из «корыстных побуждений», которые увлекли до 20 тыс. крестьян. Например, в июне 1847 г. в Николаевском уезде Самарской губернии государственный крестьянин

⁵⁰ Рахматуллин М. А. Крестьянское движение... С. 148, 149; Крестьянское движение в России в 1850–1856 гг. С. 431, 448, 500, 508–509, 513.

⁵¹ Крестьянское движение в России в 1850–1856 гг. С. 6–7.

⁵² Цит. по: Рахматуллин М. А. Крестьянское движение... С. 153.

⁵³ Там же. С. 162.

⁵⁴ Литвак Б. Г. Опыт статистического изучения... С. 7–12; Рахматуллин М. А. Крестьянское движение... С. 122–166.

Макарычев выдал себя за представителя наместника Кавказа графа Воронцова, якобы поручившего ему приглашать крестьян всех категорий к переселению на Кавказ. Всех желающих мошенник заносил в особый реестр, взыскивая с каждого по рублю на ходатайство. В короткое время он записал 83 крестьянина, но был задержан полицией. Аналогичным образом в октябре 1847 г. государственный крестьянин Я. Малакеев обирал помещичьих крестьян Воронежской губернии, пока не был задержан властями. Часто распространителями слухов среди помещичьих крестьян были государственные крестьяне, за бесценок скупавшие у отъезжающих скот и имущество⁵⁵. Интерпретировать «волнения», вызванные слухами, как классовую борьбу, по моему мнению, нет оснований.

Второе принципиально слабое место в изучении крестьянского движения состоит в том, что методика оценки силы крестьянского движения не соответствует научным критериям. Исследователи не смогли договориться о том, что следует принимать за единицу учета социального протеста, и использовали по своему усмотрению в качестве таковой «выступление (волнение)», «селение», «уезд/губерния», «число участников», иногда все сразу. В результате возникла, по словам Б. Г. Литвака, «непреодолимая преграда» на пути обобщения данных⁵⁶.

Неправильно об интенсивности и динамике социального протеста судить по абсолютному числу «волнений». Это все равно что оценивать уровень преступности в Китае и Люксембурге по абсолютному числу преступлений. Число «волнений» надо взвешивать, т. е. соотносить с той совокупностью (протестующих, крестьян или селений), которая их произвела: если единицей счета является число участников, то взвешивать на общем числе крестьян; если число селений, охваченных «волнениями» — взвешивать на общем числе селений; если уезд — то взвешивать на числе уездов и т. д. Однако сделать это практически невозможно из-за отсутствия адекватных задаче источников. Если само социальное действие фиксировано, то число селений и участников учитывалось редко, непоследовательно и разными способами. Обобщить указанные данные можно только механическим суммированием разнородных и разноценных действий, которые все стали называться «волнениями» (именно называться, а не логически и содержательно подводиться под понятие «волнение!»), создавая иллюзию их однородности и возможности суммирования.

Некоторые исследователи это сознавали и пытались с помощью всяких предположений, интерполяций и догадок сделать обобщение наукоподобным, что лишь отчасти спасало положение. Вот пример из монографии М. А. Рахматуллина: «За 1826–1857 гг. в 20 великорусских губерниях произошло 1359 открытых массовых выступлений крестьян. Было охвачено не менее 2704 селений. Данные о количестве жителей в имениях, охваченных теми или иными формами протеста, выявлены в 616 (45,3 %) случаях. В них проживало 353 977 крестьян, в среднем 574 человека в каждом. Если условно принять эту цифру достоверной, то общая численность взрослых крестьян (м. п.) — потенциальных участников борьбы за весь рассматриваемый период составит 429 тыс. душ, или около 7,1 % от общей численности крепостных крестьян в указанных губерниях, т. е. 0,22 % крестьян в год»⁵⁷.

⁵⁵ Рахматуллин М. А. Крестьянское движение... С. 142–143, 152–153.

⁵⁶ Литвак Б. Г. Крестьянское движение... С. 138.

⁵⁷ Рахматуллин М. А. Крестьянское движение... С. 46.

В своем расчете автор сделал три допущения: 1) число селений определил приблизительно — *не менее* 2704 селений (на самом деле их было больше); 2) число проживающих в 1360 имениях (включавших 2704 селения) оценил по выборке, включавшей 45,3 % имений, принимая, что в каждом имении проживало по 574 человека, а значит, в каждом селении — 287 человек; 3) за *потенциальных* участников выступлений принял всех взрослых мужчин. Эти допущения преувеличивали число участников выступлений.

В 1857 г. в Европейской России (без Польши и Финляндии) насчитывалось 245 тыс. сплошных и 87 тыс. мелких и одиночных поселений, в них проживало 534,5 тыс. населения, в среднем по 161 человек в каждом. У Рахматуллина населенность одного поселения — 287 душ обоего пола, т. е. в 1,8 раза выше среднероссийской. Это могло быть следствием либо недоучета числа волновавшихся селений (как указывает автор, «...не всегда по документам можно точно установить количество селений в имениях, в таких случаях их число принималось за единицу»⁵⁸), либо неточности исходных данных (как указывает автор, «...число ревизских душ не всегда соответствует числу жителей»⁵⁹). Уже только указанное допущение преувеличило число участников в 1,8 раза, поскольку их число высчитывалось по средней населенности поселения. Кроме того, автор признает, что в коллективных выступлениях не могло принимать участие все взрослое мужское население по причине имущественного расслоения деревни. К этому необходимо добавить, что большинство имений состояло из двух и более селений, располагавшихся в различных уездах одной или разных губерний, и что находившиеся в них крестьяне могли проживать в разных условиях и под управлением разных управляющих. Следовательно, маловероятно, что они обязательно выступали совместно. Наличие солидарности требует доказательств. Как показывают «Хроники крестьянского движения», поджоги, покушения и убийства помещиков совершали, как правило, один или несколько дворовых из мести⁶⁰.

Наконец, нередко одно выступление М. А. Рахматуллин учитывал несколько раз: «В тех случаях, когда в одном выступлении сочетались несколько форм борьбы, учитывались все без исключения»⁶¹. Другими словами, если крестьяне во время одного выступления отказались: а) подчиниться помещику и его управляющим; б) выполнять повинности; в) признать новых владельцев; г) подчиниться местным властям, то оно будет учитываться четырежды. Это допущение существенно преувеличивает число участников выступлений, потому что редко крестьяне выступали с одной просьбой, жалобой или требованием.

Как и другие исследователи крестьянского движения, М. А. Рахматуллин был вынужден все проявления недовольства механически суммировать под названием *открытые формы протеста*, разделив их на 9 групп: 1) отказ подчиниться помещикам и его управляющим; 2) отказ выполнять повинности; 3) отказ признать новых владельцев; 4) отказ подчиниться местным властям; 5) «волнения», вызванные слухами о воле, пожарами, эпидемиями, голодом; 6) убийства, покушения на убийства, физические наказания помещиков и их управляющих; 7) требование ос-

⁵⁸ Рахматуллин М. А. Крестьянское движение... С. 46.

⁵⁹ Там же. С. 9.

⁶⁰ Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 г. С. 570.

⁶¹ Рахматуллин М. А. Крестьянское движение... С. 10

вобождения от крепостной зависимости; 8) требование перевода в казенное или удельное ведомство; 9) требование сменить вотчинные власти⁶². Как показывает сравнение данных, приводимых М. А. Рахматуллиным, со сведениями «Хроник крестьянского движения», на которые он преимущественно опирался⁶³, автор принимает прошения, жалобы и отказы за **требования**, благодаря чему включает их в открытые формы протеста. Открытых коллективных выступлений всегда намного меньше, чем всех «волнений», а у М. А. Рахматуллина оказалось больше: «Хроники» зафиксировали **во всех губерниях** всего 1374 «волнений», автор — **в 20 губерниях** 1359 открытых выступлений⁶⁴. Этот парадокс, вероятно, объясняется именно тем, что прошения, жалобы и отказы признаны им как открытые формы протеста.

Итак, предпринятую М. А. Рахматуллиным попытку объективно оценить размах крестьянского движения нельзя признать удачной. Похожий расчет с аналогичными допущениями, сделанный В. А. Федоровым для центрально-нечерноземных губерний за 1800–1860 гг., имеет те же недостатки⁶⁵. Подчеркну, что ни М. А. Рахматуллин, ни В. А. Федоров, ни другие исследователи не имели намерения фальсифицировать данные, хотя тенденция к некоторому преувеличению числа «волнений» и масштаба протеста налицо. Проблема заключается в том, что имеющиеся источники в принципе не позволяют правильно оценить размах крестьянского движения. Специального учета крестьянских выступлений правительство не проводило (как вело, например, учет рабочего движения в 1900–1913 гг.). Историкам приходится использовать самые разные источники, имеющие какое-то отношение к крестьянским выступлениям.

В свою очередь, стандартный статистический метод взвешивания не решает полностью проблемы по той же причине. Вот какие результаты дает попытка взвешивания «волнений», как они учитывались в «Хрониках крестьянского движения», и числа их участников на численности крестьян (табл. 5).

Число участников определено путем умножения числа «волнений» на среднюю людность сельских поселений. В этом расчете предполагается, что каждое «волнение» охватило всех крестьян того поселения, в котором оно зафиксировано. С 1796–1800 по 1857–1860 гг. абсолютное число «волнений» возросло в 3,8 раза, а на 100 тыс. крестьян — в 2,6 раза. На столько же — в 2,6 раза — увеличилось и число участников. Значительное увеличение интенсивности «волнений» за весь период объясняется весьма низким его начальным уровнем. Абсолютное число «волнений» и число их участников было ничтожно мало, учитывая пространство страны, число поселений и крестьян. В 1857 г. в 50 губерниях Европейской России насчитывалось 332 тыс. сельских поселений. Значит, в 1857–1860 гг., в момент наивысшего подъема крестьянского движения, в среднем в год «волнениями» было охвачено самое большое 206 селений из 332 тыс. — одно из 1612 селений. В указанных 206 «волнениях» приняло участие самое большое 21 896 крестьян, т. е. один из 2189 человек. Это капля в море. Учтем, что около половины всех «волнений» состояли в том, что крестьяне обратились к помещикам и властям с прошения-

⁶² Рахматуллин М. А. Крестьянское движение... С. 54.

⁶³ Там же. С. 9.

⁶⁴ Там же. С. 54. — Читателю остается неясным, почему в тексте монографии фигурирует 1359 протестов (с. 46), а в табл. 10 лишь 1160 (с. 54).

⁶⁵ Федоров В. А. Крестьянское движение в Центральной России... С. 43.

Таблица 5. Число крестьянских «волнений», участников и преступлений в 1796–1913 гг.

Годы	В среднем в год			На 100 тыс. крестьян		Число преступлений на 100 тыс. населения
	число «волнений»	число участников	число крестьян, тыс.	число «волнений»	число участников	
1796–1800	54	8694	33327	0,16	26	–
1801–1810	21	3381	35102	0,06	10	593
1811–1820	49	7889	37747	0,13	21	–
1821–1830	69	11109	40778	0,17	27	652
1831–1840	70	11270	43560	0,16	26	594
1841–1850	94	15134	45895	0,20	33	563
1851–1856	88	14168	47539	0,19	30	516
1857–1860	206	33166	48501	0,42	68	–
1861	1889	304129	48989	3,86	621	692
1861–1870	387	62307	53848	0,72	116	868

ми и жалобами, совершили порубки леса или уголовные преступления, не имевшие ничего общего с классовой борьбой, что 80 % «волнений» закончились миром и лишь в 20 % случаев приходилось вводить небольшое воинское подразделение. Подобные «волнения» и такое их количество не могли представлять никакой угрозы существующему строю.

Для наглядности сравним число «протестовавших» крестьян с числом совершивших преступления, которые действительно нарушали общественный порядок и спокойствие. В 1851–1860 гг. по всей стране ежегодно фиксировалось 320 тыс. преступлений⁶⁶, следовательно, совершивших преступление было, по крайней мере, 320 тыс. человек (так как бывали и коллективные преступления) — это в 15 раз превышало число участников крестьянских «волнений». Девиация такого уровня также не представляла угрозы общественному порядку.

Из приведенных данных следует, что крестьянское движение в России с конца XVIII в. и до 1860 г. включительно оставалось слабым, в силу чего не могло создать революционную ситуацию и служить значимым фактором крестьянской реформы. Существенный — в 9 раз — рост числа участников «волнений» в 1861 г. сравнительно с 1851–1860 гг. был не прелюдией к Крестьянской реформе, а реакцией на нее. Ожидание крестьянами воли и земли без выкупа и отрезков не оправдалось, что и стало причиной кратковременного взрыва негативных страстей. Но и апогей «волнений» 1861 г. нельзя признать девятым валом — в них самое большое могли принять участие 304 тыс. крестьян — 0,006 % от их общей численности.

Проведенный анализ статистики крестьянских «волнений» ставит под сомнение еще одно аксиоматическое положение историографии, согласно которому от-

⁶⁶ Миронов Б. Н. Российская империя... Т. 3. С. 118–119.

мена крепостного права в России была давно назревшей реформой и произошла с большим опозданием, что послужило важнейшим фактором обострения социальных противоречий в российском обществе к середине XIX в. Раскрепощение на Западе является тому подтверждением.

В западноевропейских странах — Франции, Англии, Италии, Испании, Нидерландах и некоторых других — не потребовалось специального государственного акта об освобождении, оно произошло там стихийно и постепенно в течение двух-трех и более столетий под влиянием прежде всего экономических факторов и, что особенно важно, *по обоюдному добровольному соглашению крепостных и патронов без вмешательства и посредничества государства*. Франция дает яркий пример такой эмансипации. С конца XII в. между сельской общиной и сеньорами стали заключаться хартии следующего содержания. Лично-наследственная зависимость и, соответственно, все лично-наследственные повинности ликвидировались. Отменялись ограничения в выборе брачного партнера и в наследовании имущества. Оброк (талья) заменялся фиксированным платежом. Строго определялся размер воинской повинности, торговых пошлин, судебных штрафов и т. п. За крестьянами признавалась свобода отчуждения собственности и ухода с земли. Община получала право участвовать в выборе судей (вместе с сеньором), распоряжаться общинными угодьями, а иногда и решать судебные споры между крестьянами по делам низшей юрисдикции. Все жители общины, прожившие на ее территории год и один день, приобретали единый правовой статус и уплачивали одинаковые поземельные (или подворные) платежи. Барщина либо вовсе не включалась в обязанности крестьян, либо ограничивалась небольшими извозными работами и помощью в страду. Подобных грамот сохранились сотни. В некоторых частях Северной Франции они были составлены, по-видимому, во всех крупных сеньориях, и во многих из них речь шла об одновременном освобождении нескольких сотен крестьян. Составлялось много грамот и об освобождении отдельных семей. Сеньоры заключали хартии, руководствуясь материальной выгодой, а крестьяне — желанием стать свободными. Крестьяне соглашались в течение определенного срока выплачивать выкупные платежи, величина которых определялась методом капитализации прежних доходов из расчета 5–8% годовых. Большинство крестьян освободилось в течение XIII–XV вв., но процесс продолжался вплоть до 1789 г. — накануне революции около 1,5 млн крестьян сохраняли еще статус крепостных (сервов). Аналогичным образом происходило освобождение от крепостного права и в других западноевропейских странах⁶⁷.

В России стихийный процесс раскрепощения также имел место, но проходил, *вследствие недостатка инициативы со стороны помещиков и крестьян*, так медленно, что потребовалось вмешательство государства. До начала XIX в. отпустить на волю крепостных целыми селениями законом запрещалось, а индивидуально было затруднительно. В 1803 г. указом о вольных хлебопашцах помещики получили право освобождать целые деревни по договору со своими крепостными. Указ 1842 г. позволил помещикам по согласованию с сельскими общинами предоставлять крестьянам личную свободу и передавать им в вечное пользование наделенную землю за установленные по обоюдному согласию повинности, т. е. фактически ос-

⁶⁷ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма: в 3 т. М., 1986. Т. 2. С. 108–111; Т. 3. С. 32–63, 105–126.

вобождают без земли, поскольку вся земля оставалась в собственности помещика. В 1844 г. правительство разрешило отпускать на волю дворовых по договору. В 1847 г. владельческие крестьяне получили право перейти в казну, расплатившись за помещичьи долги, когда имение продавалось на аукционе. Но предоставленными законом возможностями воспользовалось мало крестьян и помещиков. К 1858 г. в Европейской России насчитывалось 22,7 млн помещичьих крестьян обоого пола, вольных хлебопашцев — около 324,4 тыс. и освобожденных по указу 1842 г. — немногим более 50 тыс.⁶⁸ Следовательно, от крепостного права по коллективному договору, наподобие хартии между французскими сеньорами и сервами, освобоодилось лишь 1,7 % крепостных.

Более быстрыми темпами происходило раскрепощение в индивидуальном порядке по договору или безвозмездно, по доброму согласию помещиков, а также в результате конфискации их имений. Если в XVIII — начале XIX в. вольноотпущенников насчитывались единицы, то за 39 лет, с 1816 по 1854 г., свободу получили 957 тыс. мужчин, что составляло 8,4 % от общего числа помещичьих крепостных мужского пола в 1857 г. Таким образом, всего за первую половину XIX в. коллективно и индивидуально от частновладельческого крепостного права освобоодилось около 10 % помещичьих крестьян. Параллельно через каналы военной службы за 1796–1858 гг. из состава помещичьих крестьян вышло 1017,1 тыс. мужчин. Благодаря всем названным процессам доля помещичьих крестьян в населении с 1719 по 1857 г. сократилась в 1,5 раза — с 59,6 до 39,2 % (табл. 6). Стихийный процесс раскрепощения набирал силу.

Таблица 6. Доля помещичьих крестьян в населении России в 1719–1857 гг. (%)

Показатель	Годы								
	1719	1744	1762	1782	1795*	1811	1833	1850	1857
Во всем населении	59,6	61,0	53,0	49,1	53,9	51,7	44,9	40,7	39,2
Среди всех крестьян	66,3	67,3	56,2	53,3	60,0	57,4	53,0	48,8	47,2

Примечание. * Увеличение доли помещичьих крестьян в 1795 г. связано с присоединением Западной Украины и Белоруссии к России после разделов Польши.

Вторым показателем готовности крестьян к освобождению может служить приобретение ими земли в личную собственность. Результаты реализации этой привилегии были еще скромнее, чем самоосвобождения. За 1802–1858 гг. 400 тыс., или 3 %, казенных крестьян приобрели 1,6 млн дес. в собственность, что составляло 2,5 % от всей земли, находившейся в их пользовании к 1861 г. (65 млн дес.). Если допустить, заведомо преувеличив, что помещичьи крестьяне купили столько же земли (1,6 млн дес.), это составит лишь 4,5 % от всей земли, находившейся в их пользовании к 1861 г. (35,8 млн дес.).⁶⁹ Как видим, с 1803 по 1861 г. возможностью раскрепощения воспользовалось только около 10 % помещичьих крестьян. С таки-

⁶⁸ Кабузан В. М. Крепостное население России в XVIII в. — 50-х годах XIX в. (численность, размещение, этнический состав). СПб., 2002. С. 141–145, 159.

⁶⁹ Военно-статистический сборник. Вып. IV. Россия / под общ. ред. Н. Н. Обручева. СПб., 1871. С. 200.

ми темпами освобождение всех завершилось бы примерно через 400–500 лет — на такое время растянулось самоосвобождение французских крестьян.

Итак, крестьянские «волнения» первой половины XIX в. были немногочисленными, стихийными и неорганизованными; их участники не выдвигали политических требований, не выступали против верховной власти и существовавшего социально-экономического строя. Большинство крестьян в принципе довольствовались наличием средств в объеме прожиточного минимума, которые давали им возможность удовлетворительно питаться и обеспечивали минимально необходимым набором материальных и нематериальных благ. Их желания и требования редко выходили за границы улучшения материальных условий повседневной жизни — побольше земли, поменьше повинностей и налогов, либеральнее управление. При этом уровень жизни крестьянства в первой половине XIX в. повышался, что являлось важным фактором относительного социального спокойствия в аграрной стране⁷⁰.

Анализу крестьянского движения в 1861–1917 гг. будет посвящено специальное исследование.

References

- Anfimov A. M. *Economic Situation and Class Struggle of the Peasants of European Russia. 1881–1904*. Ed. by K. I. Shabunia. Moscow, Nauka Publ., 1984, 232 p. (In Russian)
- Bairau D. *Agrarian Structure and Peasant Protest: Towards the Conditions for the Emancipation of Russian Peasants in 1861. Noveishie podkhody k izucheniiu istorii Rossii i SSSR v sovremennoi zapadnoevropeiskoi istoriografii*. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University Press, 1997, pp. 3–51.
- Fedorov V. A. *The Peasant Movement in Central Russia, 1800–1860: (According to Materials from the Central-Industrial Provinces)*. Moscow, Moscow University Press, 1980, 167 p. (In Russian)
- Fedorov V. A. The Russian Peasant on the Eve of the Revolutionary Situation of 1859–1861: According to the Materials of the Central Industrial Provinces of Russia. *Revoliutsionnaia situatsiia v Rossii v 1859–1861 gg.* Vol. 6. Ed. by M. V. Nechkina. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 23–90. (In Russian)
- Fedorov V. A. The Requirements of the Peasant Movement at the Beginning of a Revolutionary Situation (until February 19, 1861). *Revoliutsionnaia situatsiia v Rossii v 1859–1861 gg.* Vol. 3. Ed. by M. V. Nechkina. Moscow, Nauka Publ., 1963, pp. 133–148. (In Russian)
- Kabuzan V. M. *Changes in the Distribution of the Population of Russia in the 18th — First Half of the 19th Century*. Moscow, Nauka Publ., 1971, 190 p. (In Russian)
- Kabuzan V. M. *The Serf Population of Russia in the 18th century — 50s of the 19th century (Number, Location, Ethnic Composition)*. St. Petersburg, Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr “BLITS”, 2002, 272 p. (In Russian)
- Kabytov P. S., Kozlov V. A., Litvak B. G. *The Russian Peasantry: Stages of Spiritual Liberation*. Moscow, Mysl', 1988, 122 p. (In Russian)
- Litvak B. G. *The Experience of the Statistical Study of the Peasant Movement in Russia in the 19th Century*. Moscow, Nauka Publ., 1967, 127 p. (In Russian)
- Litvak B. G. On Some Features of the Psychology of Russian serfs of the First Half of the 19th Century. *Istoriia i psikhologiya*. Ed. by B. F. Porshneva. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 199–214. (In Russian)
- Litvak B. G. The Forgotten Source on the History of the Peasant Movement in Russia in the Second Half of the 19th — the Beginning of the 20th Century (Code of Statistical Information on Criminal Cases, 1872–1914). *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy*, 1970. Riga, Zinatne, 1977, pp. 258–264. (In Russian)
- Litvak B. G. On the Periodization of the Peasant Movement in Russia. *Voprosy istorii*, 1986, no. 3, pp. 64–76. (In Russian)
- Litvak B. G. *The Peasant Movement in Russia in 1775–1904*. Moscow, Nauka Publ., 1989, 256 p. (In Russian)

⁷⁰ Миронов Б. Н. Благополучие населения... С. 343–396.

- Mal'tseva N. A. On the Number of Peasant Uprisings during the Stolypin Agrarian Reform (June 3, 1907 — August 1, 1914). *Istoriia SSSR*, 1965, no. 1, pp. 128–129. (In Russian)
- Mints I. I. *The History of the Great October Revolution*. In 3 vols. 2nd ed. Moscow, Nauka Publ., 1977, vol. 1, pp. 338–339, 724. (In Russian)
- Mironov B. N. “God Sent the Work, Let the Devil Take Away the Hunt”: Work Ethic of The Russian Workers in the Post-Reform Time. *Sotsial'naia istoriia. Ezhegodnik*. 1998/1999. Moscow, Politicheskaia entsiklopediia Publ., 1999, pp. 243–286. (In Russian)
- Mironov B. N. *The Welfare of the Population and the Revolution in Imperial Russia: 18th — early 20th Century*. 2nd ed. Moscow, Ves' mir Publ., 2012, 848 p. (In Russian)
- Mironov B. N. Intellectual Abilities of Russian Peasants of the Pre-industrial Era. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, iss. 4, pp. 1047–1081. (In Russian)
- Mironov B. N. *The Russian Empire: From Tradition to Modern*. In 3 vols. Vol. 1. St. Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2018, 896 p. (In Russian)
- Mironov B. N. *The Russian Empire: From Tradition to Modern*. In 3 vols. Vol. 3. St. Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 2018, 992 p. (In Russian)
- Rakhmatullin M. A. *The Peasant Movement in the Great Russian Provinces in 1726–1857*. Moscow, Nauka Publ., 1990, 303 p. (In Russian)
- Ryndziunskii P. G. About some Controversial Issues of the History of the Peasant Movement in Russia. *Vo-prosy istorii*, 1987, no. 8, pp. 79–87. (In Russian)
- Senchakova L. T. *The Peasant Movement in the Revolution of 1905–1907*. Moscow, Nauka Publ., 1989, 262 p. (In Russian)
- Troitskii N. A. *Russia in the 19th century*. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1997, 431 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 19 февраля 2019 г.

Рекомендована в печать 10 июня 2019 г.

Received: February 19, 2019

Accepted: June 10, 2019